УДК 81.23 DOI 10.30982/2077-5911-2019-42-4-52-63

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ И ЕСТЕСТВЕННЫЙ МЕТАЯЗЫК

Золотова Наталья Октябровна,

доктор филологических наук, профессор
заведующая кафедрой теории языка и перевода
Тверского государственного университета
170100, Тверь, ул. Желябова, 33
saporovskaya@mail.ru

Изучение проблемы функционирования слова как единицы ментального лексикона входит в число приоритетных направлений исследований Тверской школы психолингвистики, основателем и руководителем которой является Александра Александровна Залевская. В предлагаемой статье обобщаются и развиваются представления о естественном (первичном) метаязыке, единицами которого выступают слова ядра ментального лексикона. Обсуждается природа и специфика рефлексивных процессов при описании обыденного сознания «рядового» носителя языка и культуры, оценивается роль рефлексии в организации метакогнитивного опыта, рассматриваются средства описания содержания рефлексии применительно к категориям обыденного сознания. В задачи статьи входит описание специфики метаязыковой деятельности «наивного» читателя/носителя языка и культуры, которая увязывается с фоновой и первичной рефлексией. Означенные явления представляют собой особые типы психических феноменов, сопровождающие базовые процессы понимания при чтении и общении. В качестве средств реализации метаязыковой деятельности «рядовой» носитель языка и культуры использует единицы, специфика значений которых позволяет рассматривать их в качестве слов-идентификаторов, обеспечивающих метаязыковую деятельность на разных уровнях осознанности. Механизм функционирования естественного метаязыка представлен на материале примеров рефлексивных актов испытуемых, зафиксированных в ассоциативных словарях. Демонстрируется обращение испытуемых к слову-идентификатору *человек* в качестве опоры при опознании стимула в процессе свободного ассоциирования. Делается вывод о роли рефлексии как свойстве обыденного сознания в обеспечении условий для «работы» естественного метаязыка.

Ключевые слова: ментальный лексикон, единицы ядра ментального лексикона, обыденное сознание, первичная/вторичная рефлексия, естественный метаязык, метаязыковая деятельность

Введение

В трактате Тейяра де Шардена, интегрирующего опыт разных наук в отношении изучения природы человека, рефлексии отводится центральная роль в «решении вопроса о “превосходстве” человека над животным» [Тейяр де Шарден 2002: 274]. Рефлексивное сознание – это тот ресурс, который обуславливает «индивидуализацию самого себя внутри себя» [там же].

Сущность рефлексии (и сознания) определяется М. Эпштейном через «акт возвращения существа к самому себе», через «вычленение в совокупности ощущений той

самости, или субъектности, которая и есть носитель этих ощущений» [Эпштейн 2004: 377]. Способность к осознанию себя, своего внутреннего мира, осмысление событий, протекающих во внешнем мире, а также оценка своих взаимоотношений с ним создают основу для развития в постоянно меняющихся условиях.

В психологических исследованиях рефлексия может пониматься и анализироваться как «объяснительный принцип развития самосознания и психики в целом» [Шигабетдинова 2014: 415]. Основы изучения рефлексии как необходимого условия существования и функционирования сознания заложены в трудах отечественных психологов (И.М. Сеченов, Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, П.П. Блонский, А.Н. Леонтьев). В зарубежной психологии интерес к рефлексии как особой психической реальности поддерживался работами Ж. Пиаже, Д. Дернера, Дж. Флейвелла и других исследователей. Разрабатываемая этими учеными метакогнитивная традиция изучения рефлексии реализует подход к исследованию природы и значения данного феномена, несколько отличающийся от реализуемого в отечественной психологии.

Философские и общенаучные предпосылки психологического изучения рефлексии, а также становление проблематики рефлексии в истории психологии подробно представлены, например, в [Степанов, Семенов 1985]. Важно, что авторы указанной работы обсуждают проблемы исследования рефлексии именно в психологической парадигме (и отличие такого подхода от философского и общенаучного), исторически связанной с «традициями изучения механизмов сознания, познавательных процессов и самосознания личности в их социальной обусловленности» [там же: 32]. В такой трактовке понятие рефлексии приобретает особый смысл для анализа деятельности, в частности, творческой деятельности. Добавим: и речевой деятельности.

На один из путей психологического изучения рефлексии указывает Б.Д. Эльконин, ссылаясь на труды Л.С. Выготского, который «не употребляя термина “рефлексия”, поставил проблему перехода от непосредственных форм поведения (форм реагирования) к опосредованным формам организации поведения им» [Эльконин 2010: 21 – 22]. Первый тип поведения представляет собой простые формы реагирования, тогда как второй обозначает новый уровень форм организации и контроля поведения, то есть управления им. Способы построения собственного поведения как предмета могут рассматриваться как формы существования рефлексии.

Метакогниция, метаязыковое сознание и средства описания содержания рефлексии

Рефлексия может рассматриваться в разных аспектах (например, понятийном, процессуальном, функциональном и др.), но следует учитывать, что она неизбежно связана с такими психологическими феноменами как самосознание, самонаблюдение, интроспекция, ретроспекция, оценка, метакогниция, метаязыковая деятельность.

Суть метакогниции в терминах Дж. Флейвелла заключается в «осознании индивидом своих собственных когнитивных процессов и всего того, что с ними связано» [Flavell 1976: 232]. Для описания качественного разнообразия интроспективных представлений человека о своих индивидуальных интеллектуальных ресурсах М.А. Холодная [Холодная 2002] вводит понятие метакогнитивной осведомленности как «особой формы ментального опыта» [там же: 132]. Мера сформированности такого рода опыта, по мнению автора, является «свидетельством уровня интеллектуального развития личности» [там же: 133]. При этом развитость рефлексии и богатство метакогнитивного опыта индивида находятся в драматических взаимоотношениях:

«чем более сформированы метакогнитивные механизмы регуляции интеллектуальной деятельности, тем реже человек обращается к интеллектуальной рефлексии как таковой» [там же: 134].

В русле психосемантического подхода В.Ф. Петренко рефлексия обсуждается в связи с анализом средств познания, которые используются субъектом не только в «рамках научного мышления и концептуальных построений», но, что оказывается очень важным, и «в сфере житейского, обыденного сознания» [Петренко 1997: 38]. Описание содержания рефлексии в этом случае осуществляется с помощью «категориальных структур», представляющих собой «синкретические, расплывчатые обобщения, а в качестве их носителей могут выступать образы, символы, поэтические метафоры» [там же: 42]. Очевидно, что для лингвиста особый интерес будут иметь *средства вербального описания* содержания рефлексии по поводу как языковых, так и неязыковых феноменов разного уровня.

В лингвистической и психолингвистической традиции принято говорить о метаязыковом сознании и метаязыковой деятельности носителей языка и культуры.

При анализе обыденного метаязыкового сознания следует обратить внимание на неизбежность разграничения «профессионалов», то есть лингвистически подготовленных индивидов, и «рядовых» носителей языка. Конечно, что и те и другие являются действующими языковыми субъектами и носителями одного языка и культуры, однако рефлексия по поводу тех или иных феноменов, в том числе, языковых будет протекать у них не одинаково. В связи с этим было бы интересно сопоставить вербализованные результаты рефлексии тех и других по поводу, например, языковых явлений. Однако, здесь нельзя не упомянуть о так называемом «парадоксе границы» (термин Лопе Гарсиа), характерном для любой ситуации, связанной с гуманитарным знанием. Суть его сводится к тому, что «человек является и субъектом, и объектом в сфере гуманитарных исследований, граница между ними лишь функциональна и возникает в процессе деятельности, метакогнитивной по своей сути» [Кашкин 2002: 7].

Зыбкость означенной границы является причиной того, что рефлексия речевых выражений осуществляется посредством метаязыковых структур, в роли которых выступают те же единицы языка, с помощью которых эти выражения осуществляются. К сожалению, часто эта зыбкость не даёт исследователю возможности чёткого разграничения субъекта и объекта исследования, что создаёт условия и возможности для ошибочной интерпретации результатов работы. Поэтому в ходе анализа любых видов и аспектов метакогнитивной и метаязыковой деятельности необходимо иметь в виду описанный парадокс.

Лингвистический и психолингвистический подходы к анализу метаязыковых явлений

С точки зрения лингвистики и психолингвистики исследование метаязыкового сознания нацелено на изучение языка в формах активной рефлексии, к которым относят «как спонтанные высказывания о языке и его элементах, отношениях, свойствах и т.п., так и объёмные, мифологизированные теоретизирования по этому поводу» [Голев 2008: 7]. Анализ всех многообразных проявлений рефлектирующей деятельности «рядового» носителя языка может предоставить повод и материал для соотнесения научного знания о языке с реальной речевой практикой говорящих, например, при изучении языка в учебной ситуации. Кроме того, «наивная лингвистика» тесно связана

с другими сферами «бытового познания» окружающего мира, особенности которого осмысляются «непрофессионалом» также в пространстве языка: через призму языка и с помощью языковых средств.

Таким образом, вербализованные самонаблюдения индивида – «рефлексивы» (термин И.Т. Вепревой) – представляют собой не только источник сведений о «ненаучных» представлениях «обычных» людей о своем языке. Для любого заинтересованного исследователя они могут стать богатейшим источником информации о реальном отображении в сознании носителей языка таких фундаментальных понятий, как «культура», «мышление», «жизнь», «смерть» и т.п.

Психолингвистический подход рассматривает метаязыковую деятельность человека как необходимое условие пользования языком (см., например, [Кашкин 2002]). С этой точки зрения, метаязык, которым постоянно пользуется человек в речемыслительной деятельности, рассматривается как особый механизм, роль которого в становлении и функционировании «живого» человеческого языка сравнивалась Н.И. Жинкиным с работой пульса в каждом языковом акте. Благодаря функционированию этого механизма «посредством ограниченного числа языковых средств может быть высказано бесконечное множество мыслимых содержаний» [Жинкин 1998: 75].

Способность человека преобразовывать одни языковые знаки в другие оценивалась Р.О. Якобсоном как важнейшее качество, лежащее в основе развития и использования языка. Говоря о процессе развития ребенка, Р.О. Якобсон конкретизирует это качество как «способность вырабатывать в себе метаязык, то есть сопоставлять языковые знаки и говорить о самом языке» [Якобсон 1985: 294, 316]. Обратим внимание на то, что Р.О. Якобсон относит начало формирования внутреннего метаязыка человека к раннему детству и связывает его с процессами овладения языком. Марианна Вулф, исследуя процесс формирования навыков чтения в процессе развития индивида, также показывает, что то, что мы понимаем как метаязыковую деятельность, начинает формироваться и активизироваться на ранних этапах овладения языком. В частности, обсуждая «лингвистическую гениальность ребёнка» (термин К. Чуковского), то есть специфику языкового развития ребёнка от двух до пяти лет, она говорит о том, что в определённый момент овладения языком ребёнок начинает не просто (иногда интуитивно, иногда осознанно) применять, например, грамматические правила, но и «осознавать и использовать социально-культурные “роли” языка в его естественных контекстах» [Wolf 2008: 35].

Следует отметить, что вопрос о роли естественного метаязыка в процессах становления грамотности и чтения представляет собой ещё одно актуальное направление исследований тверских психолингвистов в этой области. Так, в работах Е.Ю. Мягковой проблема естественного метаязыка обсуждается в связи с анализом его «моделирующей функции», например, в процессе формирования «внутренней грамматики» носителем языка в ситуации овладения вторым языком [Мягкова 2018: 160].

В норме метаязыковая деятельность «рядового» носителя языка не поддается непосредственному наблюдению, поскольку протекает в скрытых (как от исследователя, так и от самого человека) формах. Она эксплицируется лишь в ситуациях затруднений при общении или экспериментальных ситуациях, когда становится возможным обнаружить вербальные «следы» рефлексивных актов испытуемых. Скрытые формы протекания деятельности такого рода коррелируют с формой рефлексии, описанной

В.П. Зинченко как «процессуальная фоновая рефлексия», «рефлексия без Я». Эффекты такой рефлексии, как показывают психологические исследования, могут быть обнаружены «не в конце действия и не в его начале, а по ходу его протекания» [Зинченко URL]. Выше говорилось о метакогнитивной деятельности как способе саморегуляции, из данных В.П. Зинченко можно сделать вывод о том, что в качестве «регулятора» деятельности рефлексия постоянно этой деятельности сопутствует, контролируя и направляя её ход на разных этапах, в зависимости от успешности/неуспешности решения задач деятельности.

Таким образом, говоря о протекающей в скрытых формах метаязыковой деятельности «рядового» носителя языка и культуры, мы имеем в виду внутренние знания индивида, обеспечивающие ему пользование языком. Вербализованные формы этой деятельности в виде рассуждений, например, об устройстве языка и особенностях пользования им протекают на осознаваемом уровне и доступны для непосредственного наблюдения в бытовых и лабораторных условиях.

Есть основания полагать, что механизм, при помощи которого осуществляется метаязыковая функция при освоении родного языка ребенком и/или во время пользования им взрослым носителем в ситуациях, когда возникают коммуникативные сбои и нарушается адекватность понимания, «запускается» единицами ядра ментального лексикона благодаря специфике их значений [Золотова 2005: 78–107].

Первичная рефлексия и базовое понимание

В трудах А.А. Залевской феномену рефлексии уделяется внимание в связи с проблемой понимания текста и шире – проблемой взаимопонимания, в том числе и между носителями разных языков и культур. Научная позиция автора в этом вопросе может квалифицироваться как интегративный подход, базирующийся на единой теории психических процессов.

В работах [Залевская 2001, 2005, 2007] понимание текста характеризуется как психическая деятельность, недоступная для прямого наблюдения. В процессе этой деятельности осуществляется взаимодействие осознаваемого и неосознаваемого, вербализуемого и не поддающегося вербализации. Отдавая должное существующим на тот момент трактовкам текста и/или его понимания, в своем исследовании автор обращается к сущностной роли неподготовленного читателя в спонтанных процессах понимания текста в естественных условиях.

Принципиальным моментом в концепции А.А. Залевской является разграничение «обыкновенного» или «наивного» читателя, не владеющего какой-либо теорией понимания, и лингвистически/филологически подготовленного читателя, т.е. специалиста-исследователя.

Следствием такого разграничения является обоснование двух позиций, с которых могут обсуждаться те или иные аспекты проблемы понимания текста. Важной представляется мысль о качественно разных рефлексивных процедурах, к которым прибегают носители языка и культуры в ситуации спонтанного понимания текста, с одной стороны, и в условиях целенаправленного анализа «объективных» смыслов и средств их выражения, с другой стороны. В последнем случае читатель является профессионалом – носителем не только языка и культуры, но и научных понятий, представлений и постулатов.

Для ситуации «наивного» читателя характерно переживание значения и смысла как единого феномена, на основе которого и строится изначальная интерпретация

текста. Обращение к рефлексии, через которую происходит разграничение значения и смысла, имеет место в случаях затруднений или рассогласований между ожидаемым и извлекаемым из текста содержанием. Рефлексию такого типа А.А. Залевская называет *первичной* и связывает ее с базовым пониманием, достаточным для чтения «для себя», «для своего удовольствия» и повседневного общения [Залевская 2001: 154].

Вторичная рефлексия, в терминологии А.А. Залевской, является опорой профессионально подготовленного читателя, который осуществляет вторичную интерпретацию уже понятого. В этом случае, «профессионал» целенаправленно анализирует и интерпретирует вербализованные продукты понимания текста в рамках определенного научного подхода и строит логичное и обоснованное вербальное описание того, что, по его мнению, делает носитель языка [там же].

Разграничение первичной и вторичной рефлексии у А.А. Залевской соотносится с рефлексией «обыденного типа» и «ученой», или «организованной» рефлексией у Г.И. Богина, который в контексте обучения пониманию текста в учебной среде только последний тип рефлексии рассматривал как «полноценный» [Богин 1990].

Тем не менее, прежде чем приступать к постижению глубинных смыслов, неявно представленных в тексте, необходима активизация внимания индивида через попадание в поле его зрения какого-либо языкового факта, требующего идентификации. Постулируемая А.А. Залевской решающая роль слова в процессах понимания текста, сводится к его медиативной функции, которая обеспечивает «перевод текста на смыслы» через «переходы от вербальной его формы к некоторому невербальному образованию, судить о котором можно только через обратное возвращение к слову» [Залевская 2001: 157].

Сам акт идентификации, сопровождающийся фоновой рефлексией, закладывает основу дальнейшего понимания как поиска смыслов.

Представляется, что именно первичная рефлексия наивного читателя/носителя языка, несмотря на свою условную «неполноценность», по сравнению с рефлексией профессионала-лингвиста, пользующегося «арсеналом искусственных средств анализа» (И.М. Сеченов) представляет истинный интерес для изучения механизмов функционирования языкового сознания.

Факт протекания метаязыковой деятельности человека на разных уровнях осознаваемости (в зависимости от условий и целей интеллектуальной задачи), а также наличие/отсутствие профессионального опыта индивида, который эту деятельность осуществляет, обуславливает качественно разные формы сопровождающей ее рефлексии. Эти формы с известной отсылкой к терминологии А.А. Залевской можно обозначить как: *первичную рефлексию* (во время усвоения родного языка в раннем детстве, при разъяснении значений слов рядовым носителем языка в экспериментальной ситуации или при столкновении с теми или иными трудностями опознания слова в спонтанной коммуникации); *активную рефлексию* (размышления «обычного» человека о сути таких феноменов, как «язык», «жизнь», «смерть», «любовь» и т.п., выбор стратегий собственного обучения, оценка своих индивидуальных интеллектуальных качеств и т.п.); *профессиональную (вторичную) рефлексию* (например, поиск «объективного» инварианта понимания текста в русле определенного научного подхода, осуществляемого лингвистически компетентным индивидом) [Золотова 2018: 119].

Естественный метаязык носителя языка и культуры

Концепция естественного метаязыка, единицы которого обеспечивают процесс овладения родным и иностранным языком, а также факт понимания, достаточного для того, чтобы считать акт коммуникации состоявшимся, разрабатывается в русле теории слова как средства доступа к единой информационной базе человека (А.А. Залевская).

Вслед за А.А. Залевской обратим внимание на то, что возникновение термина «метаязык» связано с задачами *формального* описания языка [Залевская 1991: 24]. Очевидно, использование этого термина для ситуации, в которой язык рассматривается как *достояние индивида*, как элемент его психической жизни, требует уточнений.

При изучении ядра ментального лексикона человека на основании рассмотрения единиц ядра лексикона как слов-идентификаторов, используемых индивидом для разъяснения значений одних слов через другие, была описана его метаязыковая функция. Подчеркивалось, что такая метаязыковая деятельность при спонтанном протекании (отсутствии затруднений в естественной коммуникации) носит неосознаваемый характер для самого носителя языка. Метаязыковая деятельность такого рода признается необходимым условием работы речемыслительных механизмов, обеспечивающих автоматизм оперирования языком [Золотова 2005: 141].

Идея принадлежности метаязыка сознанию индивида нашла подтверждение в предпосылках метатеории сознания М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского [Пятигорский 2005]. Авторы рассуждают о метаязыке самого сознания как некоторой *естественно функционирующей силе*, отграничивая, таким образом, первичный метаязык от вторичного, который создается исследователем с целью построения метатеории сознания [Пятигорский 2005: 67]. Мысль о том, что «язык функционирует, если есть *нечто о языке*» [там же: 68], находит свое развитие в обосновании существования таких объективных форм как *метаобразования*, которые существуют как «метавысказывания о предмете и являются одновременно элементами функционирования самого этого предмета» [там же]. Существование этих элементов «вызывается к жизни прагматической связью человека с ситуацией его деятельности и является результатом этой прагматической связи»: условно называемые *прагмемами*, они выступают в качестве объектов, эту связь обуславливающих [там же].

Предложенная М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорским трактовка метаобразований полностью отвечает психолингвистическим представлениям о метаязыке сознания «рядового» человека как о спонтанном механизме, в тоже время, создающем условия для рефлексии в ситуациях, требующих выхода в «окно сознания». При этом слова-идентификаторы являются единицами метаязыка особого рода, предназначенного не для формального описания языковых феноменов, а служащего целям (рас)познавания слова и всего того, что стоит за ним в сознании человека. Как было показано в исследовании [Золотова 2005: 118], единицы ядра ментального лексикона наилучшим образом выполняют метаязыковую функцию в силу таких специфических характеристик, как ранний возраст усвоения, достаточно выраженная степень конкретности и образности, эмоционально-оценочная значимость для носителя языка как личности, что связано с субъективной частотностью и известностью/знакомостью их значений, а также со статусом наименований базовых категорий.

Анализ данных ассоциативных словарей на материале разных языков, а также данные разнообразных психолингвистических экспериментов дает возможность обнаружить «работу» метаязыка как достояния самого индивида, который, например, только при

помощи одной его единицы – *человек* совершает опознание огромного массива самых разных слов-стимулов. По данным Ассоциативного тезауруса английского языка [Kish et al 1972] «разъяснение для себя» таких исходных слов, как, например, ANTROPOLOGY, BATCHELOR, CREATURE, DWARF, FELLOW, MURDER, etc. происходит через обращение к лексеме *man*, которая содержится во всех без исключения наборах реакций на данные стимулы.

Таким же образом в Русском ассоциативном словаре [Караулов и др. 1994 – 1998] коррелят слова *man* – *человек* также обнаруживается в более чем тысяче словарных статей и представлен в ассоциативных парах, таких как: АВАНГАРДИСТ – *человек*; БЕССМЕРТИЕ – *человек*; МРАЗЬ – *человек*; НЕГР – *человек*; ТОЛСТОЙ – *человек* и т.п. «Уточнение» с опорой на эту же единицу наблюдается в реакциях дефинитивного типа, зафиксированных в ассоциативных словарях разных языков: ADAM – *a man who was created by God*; КАРЛСОН – *человек без забот*; СЯБАР – *чалавек, якому можна даверяць* (белорус.); ВРАГ – *човек, който мрази друг* (болг.); УМНЫЙ (розумний) – *людина в окулярах* (укр.). Три последних примера извлечены из источника: [Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский 2004].

В издании [Галерея ассоциативных портретов 2000] содержатся реакции испытуемых на предъявленные изолированные (вне контекста) псевдослова, извлеченные из книги Людмилы Петрушевской «Пуськи Бятые». Представленные здесь различные модели связей между исходным словом и ассоциатом характеризуются наличием общего опорного слова *человек*, обращение к которому закономерно с точки зрения метаязыковой практики носителей языка: КАЙОДЛА и КАЛУША наряду с *существом женского рода* идентифицируются как *человек*; ДЮБЫЙ опознается как *человек с насморком*; ЗЮМО как *обзывательство человека*; КУЗЯВЫЙ как *хитрый человек*.

При построении синергетической модели концепта ЖИЗНЬ на материале ответов испытуемых А.В. Гирнык [Гирнык 2011] рассматривает единицы ядра метального лексикона в качестве параметров порядка, регулирующих процесс самоорганизации исследуемого концепта. Среди установленных параметров особое место занимает лексема *человек* как опора для распознавания, уяснения, уточнения, определения феномена жизни: ЖИЗНЬ – то, что дается *человеку* одни раз, то, что Бог дал *человеку*, время от рождения до смерти *человека*, путь *человека* от рождения до смерти, отрезок времени, в течение которого *человек* существует и функционирует на Земле, *человек* здоровый, у него все хорошо и т.п.

Время (жизни), таким образом, тесно связано с категорией человека в обыденном сознании, и, похоже, его «бессмысленно искать вне человека, так как человека пронизывают разные уровни темпоральности» [Чугунова 2009: 40].

Выводы

Рефлексивность обыденного сознания обеспечивает основу (мета)когнитивных процессов и создает условия для использования метаязыка, функцию которого выполняют единицы ядра ментального лексикона. Материалы ассоциативных экспериментов обнаруживают тот факт, что метаязыковая деятельность «обычного» человека, соотносимая с первичной или базовой рефлексией, свидетельствует о результатах непосредственного восприятия индивидом жизненных феноменов, в том числе и языка, как его собственной принадлежности. Такая деятельность обеспечивает автоматизм оперирования языком, как для целей коммуникации, так и для понимания самого себя.

Предложенная в 2005 году концепция естественного метаязыка человека, сформулированная в русле идей Тверской школы психолингвистики А.А. Залевской, продолжает уточняться и развиваться под влиянием новых психолингвистических представлений о языке и его носителе. Идеальный потенциал концепции естественного метаязыка человека характеризуются педагогической ориентированностью, и может быть использован для изучения медиативных форм становления вторичной языковой личности. Обоснование роли естественного метаязыка в организации и «облегчении» процесса усвоения иностранного языка в учебной ситуации на практике связано с использованием слов-медиаторов (идентификаторов) в качестве осознаваемой базы для самоконтроля и самокоррекции, а также с выработкой индивидуальных стратегий научения и пользования языком, в частности стратегий преодоления затруднений разных видов при продуцировании и понимании сообщений.

Полагаем, что описание опознания слова человеком невозможно без обращения к обоим понятиям (метаязыка и рефлексии), которые следует трактовать с учётом особенностей обыденного сознания и мышления.

Литература

Богин Г.И. Обыденная рефлексия как норматив акта понимания произведения речи // Нормы человеческого общения: Тезисы докладов межвузовской научной конференции. Горький: ГГПИИЯ им. Н.А. Добролюбова, 1990. С. 4-6.

Галерея ассоциативных портретов: монография / Т.М. Рогожникова и др.: под общей редакцией Т.М. Рогожниковой; Уфимск. гос. авиац. техн. Ун-т. Уфа: УГАТУ, 2009. 448 с.

Гирнык А.В. Синергетическая модель концепта ЖИЗНЬ: экспериментальное исследование: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. 19 с.

Голев Н.Д. Лингвистика метаязыкового сознания (проблемы и перспективы) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Сб. науч. труд. Кемерово-Барнаул: Кемер. гос. ун-т, 2008. С. 7-12.

Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. Избранные труды. М.: Лабиринт, 1998. С. 146-162.

Залевская А.А. Вопросы теории обучения иностранным языкам. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1991. 48 с.

Залевская А.А. Текст и его понимание: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. 2-е изд. испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.

Зинченко В.П. Опыт думания о думании [Электронный ресурс] URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=227. (дата обращения 18.7.2019).

Золотова Н.О. Метаязык обыденного сознания человека как фактор его когнитивного развития // Функционирование языка в социуме, тексте, индивидуальном сознании. Коллективная монография. Под общей редакцией А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. С. 107-124.

Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: Монография. Тверь: Лилия Принт, 2005. 204 с.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. М.: ИРЯ РАН, 1994-1998.

Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж: Воронежский гос. тех. ун-т, 2002. С. 4-34.

Мяскова Е.Ю. Внутренний метаязык: специфика, функции, возможности моделирования // Функционирование языка в социуме, тексте, индивидуальном сознании. Коллективная монография. Под общей редакцией А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. С. 158-175.

Пятигорский А.М. Три беседы о метатеории сознания (совместно с М.К. Мамардашвили) // Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 61-107.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 400 с.

Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М.: ИЯ РАН, 2004. 800 с.

Степанов С.Ю., Семенов И.Н. Психология рефлексии: проблемы исследования // Вопросы философии. № 3.1985. С. 31-40.

Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 2-е изд. перераб. и доп. СПб: Питер, 2002. 272 с.

Шигабетдинова Г.М. Феномен рефлексии: границы понятия // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2014. № 2 (1). С. 415-422.

Эльконин Б.Д. Опосредствование. Действие. Развитие. Ижевск: ERGO, 2010. 280 с.

Эпштейн М. Самоочищение. Гипотеза о происхождении культуры // Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение. 2004. С. 371 - 395.

Якобсон Р.О. Речевая коммуникация // Избранные работы /под.ред. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. 455 с.

Kiss G.R., Armstrong C., Milroy R. (1972). The Associative Thesaurus of English. Edinburgh: Univ. of Edinb., MRC Speech and Communication Unit. 1539 p.

Flavell J. H. (1976). Metacognitive aspects of problem solving // The nature of intelligence / [ed. L. B. Resnick]. Hillsdale, Ch. 12. pp. 231-236.

Wolf Maryanne (2008). Proust and the Squid: The Story and Science of the Reading Brain. Harper Perennial; Reprint edition. 336 p.

REFLEXIVITY OF EVERYDAY CONSCIOUSNESS AND NATURAL METALANGUAGE

Nataliya O. Zolotova,

doctor of philology, associate professor

head of theory of language and translation department

Tver State University

33 Zhelyabova st., Tver, Russia 170100

saporovskaya@mail.ru

The problem of word as a unit of mental lexicon functioning is a part of top priority investigations in Tver school of psycholinguistics, founded and headed by A.A. Zalevskaya. The idea proposed in the paper is a view of natural (primary) metalanguage with core words of mental lexicon as its units. The nature and specific character of reflective processes in

everyday consciousness of an ordinary person is being discussed, the role of reflection in organizing the metacognitive experience is being evaluated and means of describing of the content of reflection in relation to categories of everyday consciousness are being examined. The purpose of the paper is the description of the peculiarities of metalanguage activities of a “naïve” reader/native speaker and culture bearer coordinated with his/her background and primary reflection. The latter constitute special types of mental phenomena, accompanying basic processes of understanding while reading and communicating. Units with some special characteristics which make it possible to consider them as words-identifiers can be used by “an ordinary” native speaker/culture bearer as means of metalanguage activities at different levels of awareness. Mechanism of natural metalanguage functioning is presented through examples of subjects’ reflective acts, fixed in associative thesauruses. Subjects’ using the word-intensifier man as a support for the identification of the stimulus in the free association process is being demonstrated. The role of reflection as a specific feature of everyday consciousness meant for creating conditions for natural metalanguage operation is resumed.

Keywords: mental lexicon, core of mental lexicon units, everyday consciousness, primary/secondary reflection, natural metalanguage, metalanguage activities

References

Bogin G.I. Obydennaja refleksija kak normativ akta ponimaniya proizvedenija rechi [Everyday reflection as a rule of speech comprehension act] // Normy chelovecheskogo obshhenija: Tezisy dokladov mezhdvuzovskoj nauchnoj konferencii. Gor’kij: GGPIIJa im. N.A. Dobroljubova, 1990. S. 4-6 (In Russian).

Galereja asociativnyh portretov: monografija [A series of associative portraits: monograph] / T.M. Rogozhnikova i dr.: pod obshhej redakciej T.M. Rogozhnikovoj; Ufmsk. gos. aviac. tehn. Un-t. Ufa: UGATU, 2009. 448 s. (In Russian).

Girnyk A.V. Sinergeticheskaja model’ koncepta ZhIZN’’: jeksperimental’noe issledovanie [A synergic model of the concept LIFE: an experimental study]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver’, 2011. 19 s. (In Russian).

Golev N.D. Lingvistika metajazykovogo soznaniya (problemy i perspektivy) [Linguistics of metalanguage consciousness (problems and perspectives)] // Obydennoe metajazykovoe soznanie i naivnaja lingvistika: Sb. nauch. trud. Kemerovo - Barnaul: Kemer. gos. un-t, 2008. S. 7-12. (In Russian).

Zhinkin N.I. O kodovyh perehodah vo vnutrennej rechi [On code transitions in inner speech] // Zhinkin N.I. Jazyk. Rech’. Tvorchestvo. Issledovanija po semiotike, psiholingvistike, pojetike. Izbrannye trudy. M.: Labirint, 1998. S. 146-162. (In Russian).

Zalevskaja A.A. Voprosy teorii obuchenija inostrannym jazykam [Problems of foreign language learning theory]. Tver’: Tver.gos. un-t, 1991. 48 s. (In Russian).

Zalevskaja A.A. Tekst i ego ponimanie [Text and its comprehension]: Monografija. Tver’: Tver. gos. un-t, 2001. 177 s. (In Russian).

Zalevskaja A.A. Vvedenie v psiholingvistiku [Introduction to psycholinguistics]: Uchebnik. 2-e izd. ispr. i dop. M.: Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 2007. 560 s. (In Russian).

Zinchenko V.P. Opyt dumanija o dumanii [An experiment in thinking about thinking] URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=227. (Retrieval date 18.07.2019). (In Russian)

Zolotova N.O. Metajazyk obydenного soznaniya cheloveka kak faktor ego kognitivnogo razvitiya [The metalanguage of ordinary mind as a factor of its cognitive development] //

Funkcionirovanie jazyka v sociume, tekste, individual'nom soznanii. Kollektivnaja monografija. Pod obshej redakcij A.A. Zalevskoj. Tver': Tver. gos. un-t, 2018. S. 107-124 (In Russian).

Zolotova N.O. Jadro mental'nogo leksikona cheloveka kak estestvennyj metajazyk [The core of human mental lexicon as natural metalanguage]: Monografija. Tver': Lilija Print, 2005. 204 s. (In Russian)

Karaulov Ju.N., Sorokin Ju.A., Tarasov E.F., Ufimceva N.V., Cherkasova G.A. Russkij asociativnyj slovar' [Russian association dictionary]. M.: IRJa RAN, 1994-1998. (In Russian)

Kashkin V.B. Bytovaja filosofija jazyka i jazykovye kontrasty [Everyday philosophy of language and language contrasts] // Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. Vyp. 3. Aspekty metakommunikativnoj dejatel'nosti. Voronezh: Voronezhskij gos. teh. un-t, 2002. S. 4-34. (In Russian).

Mjagkova E.Ju. Vnutrennij metajazyk: specifika, funkcii, vozmozhnosti modelirovanija [Inner metalanguage: specifics, functions and modeling potential] // Funkcionirovanie jazyka v sociume, tekste, individual'nom soznanii. Kollektivnaja monografija. Pod obshej redakcij A.A. Zalevskoj. Tver': Tver. gos. un-t, 2018. S. 158-175. (In Russian).

Pjatigorskij A.M. Tri besedy o metateorii soznaniya [Three dialogues about metatheory of consciousness] (sovmestno s M.K. Mamardashvili) // Izbrannye trudy. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. S. 61-107. (In Russian).

Petrenko V.F. Osnovy psihoosemantiki [Introduction to psychosemantics]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1997. 400 s. (In Russian)

Slavjanskij asociativnyj slovar': russkij, belorusskij, bolgarskij, ukrainskij [Slavonic association dictionary: Russia, Byelorussian, Bulgarian, Ukrainian] / N.V. Ufimceva, G.A. Cherkasova, Ju.N. Karaulov, E.F. Tarasov. M.: IJa RAN, 2004. 800 s. (In Russian)

Stepanov S.Ju., Semenov I.N. Psihologija refleksii: problemy issledovanija [The philology of reflection: research problems] // Voprosy filosofii. № 3.1985. S. 31-40. (In Russian).

Holodnaja M.A. Psihologija intellekta. Paradoksy issledovanija [The philosophy of intelligence. Research paradoxes]. 2-e izd. pererab. i dop. Spb: Piter, 2002. 272 s. (In Russian).

Shigabedinova G.M. Fenomen refleksii: granicy ponjatija [The phenomenon of reflection: concept boundaries] // Vestnik Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2014. No 2 (1). S. 415-422. (In Russian).

Jel'konin B.D. Oposredstvovanie. Dejstvie. Razvitie [Mediation. Performance. Development]. Izhevsk: ERGO, 2010. 280 s. (In Russian).

Jepshtejn M. Samoochishhenie. Gipoteza o proishozhdenii kul'tury [Self-purification. Culture origin hypothesis] // Znak probela: O budushhem gumanitarnyh nauk. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2004. S. 371-395. (In Russian).

Jakobson R.O. Rechevaja kommunikacija [Speech communication] // Izbrannye raboty / pod.red. V.A. Zveginceva. M.: Progress, 1985. 455 s. (In Russian)

Kiss G.R., Armstrong C., Milroy R. (1972). The Associative Thesaurus of English. Edinburgh: Univ. of Edinb., MRC Speech and Communication Unit

Flavell J. H. (1976). Metacognitive aspects of problem solving // The nature of intelligence / [ed. L. B. Resnick]. Hillsdale, Ch. 12. P. 231-236.

Wolf Maryanne (2008). Proust and the Squid: The Story and Science of the Reading Brain. Harper Perennial; Reprint edition.